

Татьяна Морозова

ИСТОРИОГРАФИЯ ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (1880–1890-е гг.)

Культура белорусов неоднократно становилась объектом изучения различных наук: этнологии, социологии, культурологии, философии, истории. Вполне закономерно, что фольклористика как наука о народном творчестве также не остается в стороне, тем более что основное внимание в рассмотрении белорусской культуры, как правило, уделялось этнографическому аспекту. Несмотря на богатый опыт предыдущих исследователей, научные открытия возможны и сейчас, поскольку фольклористическая составляющая белорусской культуры в историографическом контексте еще не представлена.

Объектом нашего рассмотрения являются работы белорусских фольклористов-собираателей 80–90-х гг. XIX века, причем внимание обращено только на те труды, которые касаются фольклористического изучения *белорусской культуры*. Выбор данного периода обусловлен тем, что именно в это время появляются первые работы исследовательского характера по фольклору белорусов. Правда, в сборниках фольклорных произведений помещались лишь комментарии и замечания научного содержания. Собственно фольклористических исследований по изучению белорусской культуры было еще немного. Объяснить это можно тем, что большинство собирателей устного народного творчества являлись скорее этнографами, чем фольклористами: об этом свидетельствует оставленное ими наследие, содержащее труды по описанию *культуры и быта* белорусов.

Последние два десятилетия XIX в. характеризовались увеличением числа собирателей и исследователей белорусского устно-поэтического творчества. Именно в этот период были опубликованы фундаментальные тома с фольклорными произведениями, зафиксированными в разных регионах Беларуси и ставшими впоследствии классикой: сборники Е. Р. Романова (Могилевская губерния), П. В. Шейна (Минская, Витебская, Могилевская, Гродненская, Смоленская, Виленская губернии), З. Ф. Радченко (Гомельский повет Могилевской губернии), В. Н. Добровольского (Смоленская губерния). Не меньшую значимость имеют также труды Н. Я. Никифоровского (Витебская губерния), М. В. Довнар-Запольского (Брестская и Минская губернии), П. В. Шейна, А. Е. Богдановича (Гродненская губерния), содержащие описания семейного быта, верований и обрядов. Появление сборников фольклорных текстов разных жанров сделало возможным проведение фольклористических исследований на широком фактическом материале. Этим воспользуются ученые-фольклористы XX в., однако в тот период подобной задачи фольклористы-собираатели себе не ставили. Следует также отметить, что изданные материалы по фольклору белорусов, как и комментарии к ним, часто носили констатационный характер и «грешили» такими недостатками,

как необоснованность суждений, отсутствие паспортизации зафиксированных текстов и т. д. Так, например, с научной точки зрения не совсем корректно утверждение А. Е. Богдановича о том, что белорусская сказка по своей сюжетике, образности и полету фантазии значительно уступает русской и украинской [2]. Художественный мир любого произведения устно-поэтического творчества своеобразен и неповторим, а уровень художественности того или иного фольклорного текста нужно анализировать, что как раз сделано и не было.

Однако это был прогрессивный период в деле собирания, издания и изучения фольклорного наследия белорусов. Историографический анализ работ 80–90-х гг. XIX в. показал, что уже в это время намечаются следующие основные направления в фольклористическом изучении белорусской культуры:

1. собирание произведений устно-поэтического творчества белорусов;
2. осознание принципиальной важности указания места записи фольклорных текстов, что, в частности, проявилось в появлении первого алфавитного указателя местностей проведенных фольклорных экспедиций. Фактически этим было положено начало такому важнейшему подходу, как паспортизация текстов;
3. разработка теоретических вопросов, связанных с систематизацией и классификацией зафиксированных материалов;
4. анализ собранного фольклорного наследия.

Публикации текстов устно-поэтических произведений XIX в. имеют такой существенный недостаток, как неполнота. Это вполне объяснимо, поскольку тщательно разработанной методики записи регионального материала не существовало, собирательская деятельность держалась на энтузиастах и в большинстве случаев носила бессистемный характер. Какую бы критическую оценку ни давали открытию в 1867 г. в Вильно отделения РГО [*1], нельзя отрицать значения этого факта для интенсификации собирательской работы, что сказалось на количестве публикаций белорусского фольклора. Фольклорно-этнографические изыскания находили свое отражение на страницах местных губернских ведомостей («Могилевские губернские ведомости», «Гродненские губернские ведомости», «Витебские губернские ведомости»), журнала «Живая старина», газет «Виленский вестник», «Смоленский вестник» и многих других. Публикации песен в местной печати характеризовались языковой точностью записей, что неудивительно, поскольку делались они белорусами, хорошо знавшими язык и фиксировавшими его фонетические и лексические особенности. Сведения по фольклору появились и в изданиях местных статистических комитетов: «Трудах», «Сводах», «Записках» и др., на страницах которых публиковались целые сборники устно-поэтических произведений. Так, например, 1–2-й выпуски знаменитого «Белорусского сборника» Е. Р. Романова были опубликованы в 1884 г. в издательстве киевской газеты «Заря», корреспондентом которой он тогда являлся. «Белорусский сборник» – самая значительная многотомная работа

Е. Р. Романова, содержащая огромное количество произведений различных жанров. Всего собирателем было подготовлено к изданию 14 выпусков, однако из печати вышли только девять: 10–14-й выпуски в годы немецко-фашистской оккупации были утеряны [1, 133]. Из девяти опубликованных выпусков сборника (1884–1914) шесть содержат исключительно фольклорные материалы, а остальные – фольклорно-этнографические. И хотя в этих томах нет какого-либо аналитического рассмотрения представленных материалов, особого внимания заслуживает выпуск 5 (1891), в котором было помещено 824 заговора, тексты батлеечного театрального действия и духовные стихи. До этого зафиксировать заговоры в таком количестве не удавалось никому из собирателей, и потому введение в научный оборот произведений данного жанра было весьма значимым событием.

Одной из крупнейших работ по этнологии и фольклору конца XIX в. стали «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» в 3-х томах П. В. Шейна (т. 1 «Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях» – 1887 г., т. 2. «Повествовательные жанры белорусского фольклора» – 1893 г., т. 3 «Описание жилища, одежды, пищи, занятий...» – 1902 г.). По насыщенности и многогранности представленных текстов «Материалы...» не имеют аналогов. Такое огромное количество информации П. В. Шейн смог собрать только благодаря широчайшей сети местных корреспондентов, созданной его усилиями. Качество материалов зависело от степени подготовленности корреспондентов. Как указывает В. К. Бондарчик, сам П. В. Шейн был слабо знаком с бытом и культурой белорусского народа. Поэтому совсем не случайно, что в некоторых разделах «Материалов...» анекдотические случаи и сатирические произведения выдаются за самостоятельные жанры [1, 162].

Строго документированный материал появляется в науке после опубликования в IV томе «Трудов этнографического общества» (1877) результатов экспедиции в Западно-Русский край П. П. Чубинского. Разработанная им методика, основанная на объективном взгляде на явления народной жизни, ориентировала собирателей на точную запись, но выводы П. П. Чубинского не всегда отличались обоснованностью (по его мнению, в белорусском фольклоре много малорусских особенностей).

На важность классификации фольклорных материалов обращал внимание М. В. Довнар-Запольский. В своих фундаментальных работах «Белорусская свадьба и свадебные песни» (1888), «Мотивы свадебных песен пинчуков» (1893), в основу которых положены описания свадьбы из Никольской волости Минского повета, а также в статьях «Женская доля в песнях пинчуков» (1891) и «Солнце и месяц в белорусской свадебной поэзии» (1894) он не ограничивается простой констатацией фактов. Применяв методику сравнительного анализа, М. В. Довнар-Запольский провел параллели с описаниями белорусской свадьбы, помещенными в сборниках П. В. Шейна, И. И. Носовича, Е. Р. Романова, Н. А. Янчука, З. Ф. Радченко, что помогло ему выявить инвариантную структуру свадебного обряда белорусов [4, 66]. Впервые объектом исследования становится собственно

свадебная поэзия: так, мотивы песен анализируются с точки зрения приуроченности произведений к определенным свадебным обрядовым действиям, значительное внимание уделено поэтической образности.

Необходимо отметить, что в данных работах М. В. Довнар-Запольский привел полную паспортизацию – так, как это понималось тогда: указал карту местности, где записывал фольклорные материалы, что говорит о понимании им важности фиксирования локуса. Таким образом, деятельность М. В. Довнар-Запольского в 80–90-е гг. XIX в. отражает все основные направления в фольклористическом изучении белорусской культуры, о которых речь шла выше.

Исследования в области теоретического осмысления белорусского устно-поэтического творчества продолжил Н. Я. Никифоровский. Его основные фольклористические работы были изданы на протяжении 1897–1910 гг. Из них большая часть – сборники фольклорных произведений, среди которых к интересующему нас периоду относятся «Простонародные приметы и поверья, старинные обряды и обычаи, легендарные предания о личностях и местностях» (1897) и «Простонародные загадки» (1898). В данных работах кроме текстов помещены замечания и сноски автора, объясняющие отдельные слова и термины, а также алфавитный указатель местностей, где был собран материал. Подобные нововведения значительно обогащают сборник, поскольку позволяют проводить специальные исследования по выявлению ареала, ядра и периферии бытования конкретных жанров. Появление указателя местностей в сборнике фольклорных материалов свидетельствует о том, что в конце XIX века фольклористами были предприняты первые попытки паспортизации зафиксированных произведений.

Культуре южной окраины Белоруссии посвящен фольклорно-этнографический сборник «Пинчуки» (1890) Д. Г. Булгаковского, в котором даны описания верований, обрядов, обычаев и представлены произведения устно-поэтического творчества. Значительную часть сборника составляют песни, которые ученый рассматривает как материал для характеристики народа, его быта и культуры. Этот сборник отличается от всех предыдущих изданий фольклорного наследия Юго-Западного Полесья фиксацией колоритного наречия, характерного для полешуков. И в этом важнейшая заслуга Д. Г. Булгаковского как собирателя периода 80–90-х гг. XIX в.

Основная работа В. Н. Добровольского, которой он посвятил 10 лет жизни, – четырехтомный «Смоленский этнографический сборник» (1891–1903). В 1-м томе собраны рассказы крестьян о своей жизни, сказки, предания, легенды, были, материалы по народной медицине. Том 2-й содержит обрядовые песни, которые исполняются при рождении ребенка, описание свадебных обрядов и тексты соответствующих песен, обряды и причитания на похоронах, а также очерки о семейных обычаях и праве. Том 3-й включает пословицы и поговорки, дифференцированные по тематическому принципу, что было новаторством для своего времени. До этого момента систематизация паремий с целью их публикации проводилась

главным образом по алфавитному принципу либо они давались в свободном порядке (как в «Сборнике белорусских пословиц» (1874) И. И. Носовича). Том 4-й почти полностью посвящен песенному творчеству (около 1500 единиц), причем преимущественно обрядовому. Отдельным разделам текстов песен соответствуют описания обрядов и игр – довольно распространенный принцип у собирателей XIX в. Однако особенностью подхода В. Н. Добровольского является то, что он не просто констатирует связь тех или иных песен с обрядами, но и обращает внимание на видовое разделение этих песен: где встречаются элементы величания, какая песня строго обрядовая и т. д.

Не менее известны также статьи В. Н. Добровольского по фольклористике. Например, в работе «Пословица и загадка» (1898) автор, наряду с общими размышлениями о значении устно-поэтического творчества, образно-описательно характеризует суть жанра загадки: «Проводя временами карикатурные и парадоксальные параллели, сравнивая значимое и незначимое, большое и малое, абстрактное и материальное, тонко отыскивая подобие между самыми различными вещами ... загадка достигла большой рельефности и подчеркивает, так сказать, характерные и выдающиеся качества вещей» [3, 496]. Безусловно, здесь еще нет четко сформулированного определения, однако сущность явления подмечена верно.

Таким образом, историографический анализ важнейших изданий по фольклористической составляющей культуры белорусского народа 80–90-х гг. XIX в. показал, что в них представлены уже не только сами зафиксированные фольклорные произведения. В каждой новой публикации так или иначе отражается тенденция, направленная на усиление исследовательского характера работы, выявление жанрового состава произведений и т. д. И хотя собственно научных работ еще немного, лежащие в их основе обобщения и подходы к изучению фактов традиционной культуры белорусов для своего времени были новаторскими. Эти работы заложили прочный фундамент для плодотворного рассмотрения фольклорного наследия в первые десятилетия XX в. и устойчивого развития академической фольклористики в созданном в 1922 г. Институте белорусской культуры (Инбелкульте).

Исследование осуществляется при финансовой поддержке Белорусского Республиканского фонда фундаментальных исследований (договор с Фондом № Г05Р-008 от 1 апреля 2005 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

*1. РГО – Русское географическое общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь: У 8 т. Пад рэд. В. К. Бандарчык Мн., 1999. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння.
2. *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Витебск, 1995.
3. *Добровольский В. Н.* Пословица и загадка // Живая старина. 1898. Кн. III–IV.
4. *Довнар-Запольский М. В.* Исследования и статьи. Киев, 1909. Т. 1.